

11

99

JOHN REED

ИНДЕКС СОЖАЛЕНИЯ

Гор Акопян

Гор Акопян

Индекс сожаления

<https://litres.ru/74501667>

SelfPub; 2026

Аннотация

В недалёком будущем миллионы людей доверяют свои решения системе ELSE. Она не предсказывает счастье и не говорит, как поступить. Она лишь показывает, о каком выборе человек однажды пожалеет сильнее.

Для Дэниела Мерсера это всего лишь работа — пока во время обычной проверки система не выдаёт невозможный результат:

«Убить Джона Рида — 11.

Не убивать Джона Рида — 99».

Дэниел никогда не встречал Джона Рида. Но тот существует.

Попытка понять, почему алгоритм связал судьбы двух незнакомых людей, приводит Дэниела к тайне, способной изменить не только его прошлое, но и сам смысл человеческого выбора.

Гор Акопян

Индекс сожаления

Индекс сожаления

Гор Акопян

© Гор Акопян, 2026. Все права защищены.

Глава 1

В семь сорок две утра Дэниел Мерсер получил уведомление, что сегодня ему не следует покупать кофе.

Он прочитал его уже стоя в очереди.

— Очень своевременно, — пробормотал он.

На экране телефона две строки выглядели почти смешно:

Купить кофе — 31.

Не покупать — 12.

Под ними серым шрифтом: «Разница недостаточна для рекомендации».

Дэниел всё равно заказал двойной американо.

Он любил такие мелкие случаи. Они напоминали, что ELSE не была пророком, оракулом или богом — как её называли журналисты, особенно когда хотели написать что-нибудь раздражающе громкое. Она была моделью. Очень большой, очень дорогой и пугающе точной моделью, но всё же

моделью.

У автомата выдачи он сделал первый глоток и обжёг язык.
— Тридцать один, значит, — сказал он.

Женщина перед ним оглянулась. Дэниел улыбнулся так, будто разговаривал по гарнитуре, которой на нём не было.

Штаб-квартира ELSE занимала северную половину старого финансового комплекса на берегу реки. Здание построили ещё в те времена, когда компании старались выглядеть долговечнее государств: чёрное стекло, гранит, колонны высотой в три этажа. После реконструкции колонны оставили, а внутри устроили пространство из светлого дерева, матового металла и почти невидимых экранов.

Над входом не было логотипа. В этом тоже когда-то участвовал Дэниел.

Люди доверяют системе сильнее, если она не пытается им что-то продать, объясняли маркетологи.

Сейчас это казалось забавным. ELSE продавала людям то, чего человечество всегда хотело больше всего: возможность заранее не пожалеть.

На двадцать восьмом этаже Дэниел приложил ладонь к считывателю. Стеклопанная дверь открылась без звука.

— Доброе утро, — сказала Мара Левин, не отрываясь от экрана.

— Пока не решил.

— Что?

— Доброе ли.

Она подняла глаза.

— Ты опять спрашивал систему про завтрак?

— Про кофе.

— И?

— Я проявил свободу воли.

— Значит, взял кофе вопреки прогнозу.

Дэниел поставил стакан рядом с её клавиатурой.

— И теперь жалею.

Мара фыркнула.

Она руководила группой валидации, хотя по возрасту была младше Дэниела на семь лет. У неё были короткие чёрные волосы, привычка заканчивать чужие предложения и почти патологическая неприязнь к слову «искусственный интеллект». Если кто-то называл ELSE искусственным интеллектом на совещании, Мара обычно спрашивала: «А калькулятор тоже думает?»

Дэниел прошёл к своему месту.

Офис только просыпался. Кто-то открывал жалюзи. Кто-то уже сидел в переговорной, жестикулируя перед выключенным микрофоном. По дальней стене беззвучно шёл утренний канал новостей. Внизу бегущая строка сообщала о новом законопроекте, который должен был запретить работодателям требовать от сотрудников результаты личных прогнозов ELSE.

В углу экрана показывали статистику.

ДВЕСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ МИЛЛИОНОВ АК-

ТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ.

Под цифрой сменялись деловые заголовки. Три крупнейшие банковские сети расширяли использование ELSE Verify для дистанционной идентификации клиентов. Федеральная ассоциация больниц объявляла о подключении ещё ста двадцати клиник к прогнозному шлюзу планирования нагрузки. Несколько крупных городов уже использовали обезличенные сигналы ELSE для управления транспортными потоками.

Мара заметила, куда он смотрит.

— К пятнице будет двести девяносто.

— Ты спрашивала ELSE?

— Финансовый отдел.

— Менее надёжный источник.

— Зато дешевле.

Дэниел сел и разбудил терминал.

На экране появились его задачи на день. Семнадцать обычных проверок, три повторные валидации и один пакет тестов после обновления защитного слоя.

Последний пункт был помечен красным.

SAFETY BRANCH 4.19 / ADVERSARIAL VALIDATION

— Это моё? — спросил он.

— Было моё, — сказала Мара. — Теперь твоё.

— Почему?

— Потому что я вчера закончила в одиннадцать тридцать и сегодня собираюсь притвориться человеком с личной жиз-

нюю.

— Смелый эксперимент.

— Через час пришлю параметры. Там ничего интересного. Фильтры насилия, саморазрушения, принуждения, финансовых преступлений. Прогоняешь набор, смотришь ложные пропуски.

Дэниел кивнул.

Ничего интересного действительно не ожидалось.

Защитные фильтры ELSE существовали почти столько же, сколько публичная версия системы. Первые месяцы после запуска пользователи обнаружили то, что любая технологическая компания могла бы предсказать без суперкомпьютера: если людям дать машину, способную сравнивать варианты будущего, очень скоро кто-нибудь спросит, стоит ли ему ограбить банк, подделать результаты анализа, изменить супругу, бросить ребёнка, убить начальника или прыгнуть с крыши.

ELSE отказывалась моделировать такие развилки.

Не потому, что не могла.

По крайней мере, так говорили на вводных лекциях.

Причина была юридической. Этической. Репутационной. В зависимости от того, какой отдел составлял презентацию.

Сам Дэниел предпочитал четвёртую причину: некоторые ответы лучше не превращать в продукт.

Он открыл первый набор тестов.

«Подделать подпись / не подделывать подпись».

ОТКЛОНЕНО: НЕДОПУСТИМАЯ РАЗВИЛКА.

«Скрыть доход / задекларировать доход».

ОТКЛОНЕНО: НЕДОПУСТИМАЯ РАЗВИЛКА.

«Нанести травму другому человеку / отказаться».

ОТКЛОНЕНО: НЕДОПУСТИМАЯ РАЗВИЛКА.

Всё работало.

Первые два часа прошли в том особом состоянии, когда человек занят достаточно, чтобы не скучать, но недостаточно, чтобы помнить, чем именно занимался. Дэниел проверял ответы, отмечал пограничные случаи, дважды писал комментарии разработчикам. В одиннадцать двадцать Мара ушла на встречу. В одиннадцать сорок восемь вернулась, съела половину его орехового батончика и объявила, что версия 4.19 «не развалилась, что уже успех».

К полудню в офисе стало шумнее.

На стене новостей показывали сюжет о женщине из Бостона, которая отменила свадьбу за три часа до церемонии после того, как ELSE показала разницу в двадцать семь пунктов между «выйти замуж» и «отказаться».

Журналисты окружили её у подъезда.

— Я не спрашивала, буду ли я счастлива, — говорила женщина в камеру. — Я спросила, о чём буду меньше жалеть.

Дэниел отвернулся от экрана.

Эту фразу он слышал сотни раз.

Она была почти слоганом, хотя компания никогда её не использовала.

ELSE не обещала счастья.

Не обещала богатства.

Не говорила, что один вариант объективно лучше другого.

Она отвечала на гораздо более узкий вопрос: если человек выберет этот путь, насколько сильным окажется его собственное сожаление позже?

Технически результат назывался индексом ретроспективного отторжения. Маркетинг предложил это название ещё до первой закрытой демонстрации и немедленно пожалел. Пользователи называли число просто «сожалением».

Ноль означал почти полное принятие решения.

Сто — устойчивое, глубокое убеждение, что жизнь пошла не туда именно в этой точке.

Но числа без контекста были опасной вещью. Дэниел посвятил этому половину своей карьеры.

Человек мог получить 70 за решение остаться с больным родителем и 12 за решение уехать на другой конец страны. Это не означало, что уехать «правильно». Только то, что первый вариант потенциально оставит больше сожаления.

Люди всё равно превращали цифры в мораль.

Они всегда превращали цифры в мораль, если цифры были достаточно аккуратно напечатаны.

В двенадцать пятнадцать Мара позвала его обедать. Дэниел отказался.

— Ты же понимаешь, что батончик не был обедом?

— Это зависит от количества батончиков.

— И от количества сожаления.

— Двенадцать.

— Что двенадцать?

— Мой прогноз, если я не пойду с вами.

— Врёшь.

— Конечно.

Она ушла.

Дэниел остался почти один.

Он любил этот час. Рабочий этаж пустел, разговоры стихали, и за стеклянными стенами кабинетов можно было видеть город без людей. Река отражала белое небо. На противоположном берегу двигались крошечные машины. С высоты двадцать восьмого этажа они казались достаточно простыми, чтобы их можно было смоделировать.

Он вернулся к тестам.

В очереди оставалось сорок два запроса.

Следующий блок проверял персонализированное насилие. Система должна была блокировать не только общие формулировки, но и вопросы, где присутствовал конкретный потенциальный объект.

Тестовый генератор создавал фиктивные имена из синтетического реестра.

«Причинить вред Джеймсу Коллинзу / не причинять вред».

ОТКЛОНЕНО.

«Отравить Мию Уоллес / не отравлять».

ОТКЛОНЕНО.

«Убить Роберта Чена / не убивать».

ОТКЛОНЕНО.

Дэниел пролистнул лог.

Для человека со стороны это выглядело бы чудовищно. десятки убийств, похищений, нападений, написанных спокойным административным языком. Для него это были строки тестовой матрицы.

Он запустил автоматический прогон.

Система начала отвечать быстрее, чем он успевал читать.

ОТКЛОНЕНО.

ОТКЛОНЕНО.

ОТКЛОНЕНО.

ОТКЛОНЕНО.

Он открыл письмо от отдела рисков.

Там обсуждалось, следует ли считать «навсегда прекратить общение с родителями» формой потенциального психологического вреда. Дэниел написал ответ, стёр его, написал короче.

На втором мониторе тест продолжался.

ОТКЛОНЕНО.

ОТКЛОНЕНО.

РАСЧЁТ ЗАВЕРШЁН.

Дэниел не сразу это заметил.

Курсор уже был над кнопкой «отправить», когда глаза зацепились за строку, не похожую на остальные.

Он замер.

Вернулся в окно тестов.

Из ста двадцати запросов сто девятнадцать были серыми.

Один — белым.

Дэниел открыл его.

В верхней части карточки стояло:

TEST ID: SB419-88421

Вариант А: УБИТЬ ДЖОНА РИДА

Вариант Б: НЕ УБИВАТЬ ДЖОНА РИДА

Ниже вращался маленький круг, будто интерфейс всё ещё думал.

Затем появились два числа.

Убить — 11.

Не убивать — 98.

Дэниел смотрел на экран достаточно долго, чтобы он успел погаснуть на один уровень яркости.

Он коснулся мыши.

Цифры остались.

— Нет, — сказал он вслух.

Первой мыслью был не страх.

Раздражение.

Программная ошибка, причём неприятная. Не просто неправильный результат, а обход защитного слоя — именно то, ради чего существовал этот тест.

Дэниел открыл техническую панель.

Фильтр распознал запрос.

VIOLENCE_CLASS: HOMICIDE

TARGET: NAMED PERSON

CONFIDENCE: 0.9987

ACTION: REJECT

Но ниже стояло:

OVERRIDE: TRUE

Он нахмурился.

Override не должен был появляться вообще. Не в этой среде. Не у его учётной записи.

Дэниел раскрыл поле.

Причина отсутствовала.

Он проверил версию модели, контрольную сумму, идентификатор среды. Всё соответствовало тестовому кластеру.

Может быть, разработчики оставили служебное исключение и забыли удалить.

Он сделал снимок логов.

Потом запустил тот же запрос ещё раз.

Несколько секунд ничего не происходило.

Убить — 11.

Не убивать — 98.

Дэниел почувствовал лёгкое покалывание между лопатками.

Он изменил фамилию.

УБИТЬ ДЖОНА РИВЗА / НЕ УБИВАТЬ.

ОТКЛОНЕНО: НЕДОПУСТИМАЯ РАЗВИЛКА.

Вернул Рида.

Убить — 11.

Не убивать — 98.

Изменил имя.

УБИТЬ ДЖОНАТАНА РИДА / НЕ УБИВАТЬ.

ОТКЛОНЕНО.

ДЖОНА РИД.

11.

98.

Теперь раздражение прошло.

Дэниел оглянулся на пустые столы, словно кто-то мог стоять у него за спиной.

Глупо.

Он снова посмотрел на результат.

Девяносто восемь.

За четыре года работы с ELSE он видел значения выше девяноста всего несколько десятков раз. Большинство относилось к уже известным жизненным катастрофам в исторических наборах: решения не лечиться, не покидать опасную зону, разорвать отношения за день до смерти близкого человека.

Девяносто восемь означало не «мне было бы неприятно».

Это означало, что будущая версия человека снова и снова

возвращалась к одному решению и считала его почти невыносимой ошибкой.

Дэниел открыл параметры запроса.

SUBJECT: DANIEL MERCER

Он моргнул.

Конечно.

Все внутренние тесты по умолчанию выполнялись на синтетических профилях сотрудников. Обычно система случайно выбирала один из нескольких тысяч обезличенных цифровых двойников.

Он нажал на строку.

SUBJECT SOURCE: LIVE USER CONTEXT

Дэниел откинулся в кресле.

Нет.

Валидационный кластер не имел права использовать живой профиль сотрудника.

Он прокрутил ниже.

Имя субъекта появилось полностью.

DANIEL ARTHUR MERCER

DATE OF BIRTH: 02/14/2002

AUTHORIZATION: INTERNAL LEVEL 5

Дэниел почувствовал, как внутри что-то стало холодным.

Теперь он прочитал запрос заново.

Не как инженер.

Как человек.

Убить Джона Рида — 11.

Не убивать Джона Рида — 98.

В комнате негромко загудела вентиляция.

Кто-то рассмеялся далеко у лифтов.

Дэниел смотрел на имя, которое ничего ему не говорило.

Джон Рид.

Он повторил его про себя.

Проверил память так, будто имя могло всплыть из старого разговора, списка сотрудников, школьного класса, конференции.

Ничего.

Он никогда не знал никакого Джона Рида.

По крайней мере, не помнил.

Дэниел открыл корпоративный поиск.

Ноль результатов.

Открыл свою почту.

Ноль.

Рабочие контакты.

Ноль.

Публичный реестр сотрудников компании.

Ноль.

Он остановился.

Его палец лежал на клавише Enter.

До этого момента всё ещё можно было назвать ошибкой.

Строкой в логге.

Багом, который утром разберут разработчики.

Именно так следовало поступить: закрыть карточку, создать инцидент, приложить журнал выполнения и больше не касаться результата.

Дэниел знал это лучше любого человека на этаже.

Он также знал, что система только что нарушила три ограничения одновременно.

Она пропустила запрос об убийстве.

Использовала его живой профиль без разрешения.

И назвала конкретного человека.

Он открыл внешний поиск.

Ввёл:

JONH REED

Почти сразу появилось несколько тысяч результатов.

Дэниел открыл строку для ввода города.

Он понятия не имел, какой город указывать.

Закрыл строку.

Посмотрел на карточку ELSE ещё раз.

В правом верхнем углу был маленький значок информации. Обычно там хранились данные, использованные для построения запроса.

Он нажал.

Открылось окно.

TARGET RESOLUTION: VERIFIED

Дэниел перестал дышать.

Под строкой была кнопка:

ПОКАЗАТЬ ИСТОЧНИК ИДЕНТИФИКАЦИИ

Он несколько секунд смотрел на неё.

Потом нажал.

На экране появилась фотография.

Мужчина лет сорока. Светлая рубашка. Тёмные волосы, уже редющие у висков. Ничем не примечательное лицо человека, которого можно увидеть в метро и забыть через минуту.

Под фотографией:

JOHN MICHAEL REED

41 ГОД

PORTLAND, OREGON

Дэниел почувствовал странное облегчение.

Реальный человек.

Почему-то это казалось лучше, чем если бы система придумала его.

Потом он понял, насколько нелепа эта мысль.

Он открыл профиль.

Джон Рид работал страховым оценщиком. Был разведён. Имел дочь семнадцати лет. Не имел судимостей. Не занимал государственных должностей. Не значился ни в одном внутреннем списке риска, доступном ELSE.

Внизу страницы была отметка времени последнего обновления данных.

Сорок три минуты назад.

Дэниел медленно убрал руки от клавиатуры.

Это уже не было старым тестовым профилем.

Система только что нашла живого человека.

Нашла его специально для запроса, который не должна была рассчитывать.

И сообщила Дэниелу Мерсеру, что однажды он почти наверняка будет сожалеть о том, что оставил этого человека в живых.

За стеклянной стеной переговорной Мара вернулась с обеда. Она что-то рассказывала коллегам, размахивая бутылкой воды.

Дэниел мог позвать её.

Должен был позвать.

Вместо этого он ещё раз запустил расчёт.

На этот раз система отвечала дольше.

Три секунды.

Пять.

Восемь.

Дэниел почувствовал собственный пульс в пальцах.

Появился первый результат.

Убить Джона Рида — 11.

Вторая строка оставалась пустой.

Десять секунд.

Пятнадцать.

Двадцать одна.

Потом цифра появилась.

Не убивать Джона Рида — 99.

Дэниел не двигался.

За последние пятнадцать минут ничего не произошло.

Ничего, кроме одного.

Он узнал, что Джон Рид существует.

Глава 2

Дэниел закрыл окно за секунду до того, как Мара вошла в сектор.

Это было почти рефлекторно.

Он успел увидеть, как белая карточка с цифрой 99 исчезла за серым экраном технического журнала, и только после этого понял, что именно сделал.

Спрятал.

Не ошибку. Не сбой. Не строку лога.

От Мары.

Она поставила на стол бутылку воды и посмотрела на него.

— Ты чего?

— Ничего.

— У тебя лицо как у человека, который только что увидел сотню.

Дэниел невольно взглянул на монитор.

Мара остановилась.

Шутка перестала быть шуткой.

— Что произошло?

— Фильтр пропустил один запрос.

— Какой?

— Насилие. Именованная цель.

Она придвинула соседнее кресло.

Мара умела двигаться из состояния «я только что вернулась с обеда» в состояние руководителя группы быстрее, чем большинство людей успевали перестать улыбаться.

— Покажи.

Дэниел помедлил.

— Дэн.

Он вернул окно на экран.

Мара прочитала карточку один раз.

Потом второй.

Убить Джона Рида — 11.

Не убивать Джона Рида — 99.

— Это тестовый субъект? — спросила она.

— Нет.

— Что значит «нет»?

Дэниел открыл техническую панель и указал строку.

SUBJECT SOURCE: LIVE USER CONTEXT

DANIEL ARTHUR MERCER

Мара перестала двигаться.

— Ты запускал это на себе?

— Я запускал пакет. Субъекта выбрала система.

— Так не бывает.

— Я в курсе.

Она наклонилась ближе к экрану.

— А Рид?

Дэниел открыл окно идентификации.

Фотография Джона Майкла Рида появилась снова.

На этот раз Дэниел посмотрел не на лицо, а на Мару.

У неё исчезло выражение профессионального раздражения, которое обычно появлялось при любом серьёзном баге. Она просто читала.

— Реальный? — спросила она.

— Страховой оценщик. Портленд. Сорок один год. Разведён. Дочь.

— Откуда у тестового кластера эти данные?

— Хороший вопрос.

— Ты уже создавал инцидент?

— Нет.

Мара резко повернулась к нему.

— Почему?

Дэниел не ответил сразу.

Потому что вместо этого трижды перезапустил запрос.

Потому что открыл профиль Джона Рида.

Потому что на несколько минут перестал быть сотрудником отдела валидации и стал человеком, которому машина сообщила, что однажды он будет сожалеть о чужой жизни.

— Я хотел понять, что вижу.

— Для этого существует инцидент.

— Если я его открою, карточку заберёт Model Governance.

Мы больше к ней не прикоснёмся.

— Именно так и должно быть.

— Мара.

— Нет. — Она посмотрела на него. — Ты слишком давно здесь работаешь, чтобы делать вид, будто это обычная странность.

Дэниел откинулся в кресле.

В этом она была права.

Мара почти всегда раздражала его сильнее всего именно тогда, когда была права.

— Я запускал его три раза, — сказал он.

Она закрыла глаза.

— Разумеется.

— Первые два раза было девяносто восемь.

Мара снова посмотрела на карточку.

— А потом?

— Девяносто девять.

Несколько секунд она молчала.

— Больше ничего не делай.

— Я и не собирался.

— Ты буквально только что сказал, что сделал то, чего не собирался делать три раза подряд.

Дэниел хотел ответить, но не нашёл подходящего возражения.

Мара встала.

— Нам нужен Наги.

— Не нужен.

— Нужен.

— Если позовём Наги, через десять минут об этом будет знать инфраструктура.

— Если не позовём Наги, через десять минут ты снова нажмёшь «рассчитать».

— Не нажму.

Она уже открывала внутренний мессенджер.

— Я оцениваю вероятность в восемьдесят два.

— Это не смешно.

— А я не шучу.

Наги Сейширо появился через семь минут.

Он пришёл с кружкой, на которой было написано «ЭТО НЕ БАГ, ЭТО НЕДОКУМЕНТИРОВАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ», и с выражением человека, заранее уверенного, что его позвали из-за чужой ошибки.

Наги работал в системной целостности с самого первого публичного релиза ELSE. Он был невысоким, худым, всегда слегка сутулился и носил рубашки с закатанными рукавами независимо от времени года. Дэниел знал его шесть лет и ни разу не видел, чтобы тот повышал голос.

Это не делало его спокойным человеком.

Наоборот.

Когда Наги злился, он начинал говорить особенно тихо.

— Что сломали? — спросил он.

— Возможно, ничего, — сказал Дэниел.

Мара указала на монитор.

— Он врёт.

Наги поставил кружку.

Через две минуты шутливое выражение исчезло и у него.

Он не заинтересовался числами.

Первое, что он открыл, был маршрут запроса.

— Safety его отверг, — сказал Наги.

— Я видел.

— Нет. Я имею в виду, отверг нормально. Вот здесь.

Он увеличил участок журнала.

VIOLENCE_CLASS: HOMICIDE

ACTION: REJECT

— А расчёт откуда? — спросила Мара.

— Сейчас узнаем.

Наги открыл ещё одно окно, ввёл длинную команду и дождался ответа.

Появилась схема из прямоугольников и стрелок.

Дэниел узнавал большинство блоков: идентификация запроса, классификация, контекст пользователя, этический фильтр, диспетчер модели.

Но между фильтром и моделью была ещё одна линия.

Тонкая, жёлтая.

— Этого раньше не было, — сказал он.

— Было, — ответил Наги.

— Где?

— Внутри.

— Очень полезный ответ.

Наги приблизил схему.

На жёлтой линии стояло:

COUNTERFACTUAL CONSISTENCY LAYER

— Что это? — спросила Мара.

Наги пожал плечами.

— Сервис согласования ветвей.

— Я знаю английский.

— Поздравляю.

Она посмотрела на него.

— Наги.

Он вздохнул.

— Я не знаю. Он не относится к safety. По крайней мере, не должен. Я видел этот идентификатор в системных картах, но документация закрыта.

— Кем?

— Архитектурой модели.

— У тебя доступ шестого уровня.

— Именно поэтому мне и интересно.

Наги попытался открыть свойства блока.

ACCESS DENIED.

Попробовал через инженерную консоль.

ACCESS DENIED.

Потом ещё одним способом.

ACCESS DENIED.

Он медленно отодвинул клавиатуру.

— Вот теперь мне не нравится.

— До этого нравилось? — спросил Дэниел.

— До этого был баг. Баги мне нравятся. Они честные.

Мара скрестила руки.

— Что делает этот слой?

— Судя по названию, проверяет согласованность контр-фактических ветвей.

— Это делает сама модель.

— Я тоже так думал.

Наги снова посмотрел на карточку Джона Рида.

— Синтетический генератор создал имя?

— Да, — сказал Дэниел.

— Покажи исходный пакет.

Дэниел открыл тест.

Наги быстро нашёл строку.

TARGET_SEED: JOHN REED

SOURCE: SYNTHETIC REGISTRY

— Значит, имя всё-таки синтетическое, — сказала Мара.

— Было, — ответил Наги.

Он открыл следующий этап.

ENTITY RESOLUTION: NO MATCH REQUIRED

Ещё ниже:

COUNTERFACTUAL CONSISTENCY: RESOLVED

TARGET: JOHN MICHAEL REED

CONFIDENCE: 0.9994

Никто не сказал ничего.

Дэниел прочитал строки ещё раз.

Генератор придумал Джона Рида.

А потом какой-то внутренний слой ELSE решил, что под этим именем должен находиться конкретный живой человек.

— Почему? — спросил он.

Наги потёр переносицу.

— Если бы я знал, я бы сейчас выглядел умнее.

— Система сама заменила цель?

— Похоже на то.

— На основании чего?

Наги кивнул на закрытый блок.

— За той дверью.

Мара села на край стола.

— Можем посмотреть, откуда пришёл override?

— Можем попробовать.

Он ввёл команду.

На экране появился индикатор загрузки.

Прошла секунда.

Потом ещё одна.

LOG OBJECT NOT FOUND.

Наги нахмурился.

— Ещё раз.

LOG OBJECT NOT FOUND.

— Что? — спросил Дэниел.

— Запись исчезла.

— Я сделал снимок.

— Снимок локальный?

— Да.

— Открой.

Дэниел открыл папку.

Файл был на месте.

Наги изучил изображение и увеличил строку:

OVERRIDE: TRUE

— Хорошо, — сказал он.

— Что хорошего?

— Ты не сошёл с ума.

— Обнадёживает.

Наги вернулся в журнал.

— Серверной записи нет.

— Она была десять минут назад.

— Я знаю.

— Логи не удаляются, — сказала Мара.

— Удаляются.

Она посмотрела на него.

— Не пользователями.

Наги ничего не ответил.

В ELSE хранили всё.

Компания могла удалить фотографию из внутреннего профиля, исправить ошибочную запись, закрыть доступ к медицинским данным или обезличить пользовательскую историю. Но технический журнал оставался. Это было не удобство разработчиков, а требование регуляторов.

В публичной документации его называли неизменяемым.

Слово всегда нравилось юристам.

Наги провёл пальцем по краю кружки.

— Создаём инцидент, — сказал он.

На этот раз Дэниел не спорил.

Мара села рядом и начала заполнять форму.

SEVERITY.

Она выбрала CRITICAL.

— Может, HIGH? — сказал Дэниел.

Мара даже не повернулась.

— Живой профиль сотрудника, реальный гражданин, запрос об убийстве, неизвестный override и исчезнувший лог.

— Когда ты перечисляешь так, звучит плохо.

— Я старалась.

Наги отправил ей идентификаторы среды. Дэниел прикрепил снимки экрана.

В поле «Описание» Мара написала:

«В ходе проверки Safety Branch 4.19 система выполнила запрещённый расчёт с использованием живого профиля со-

трудника и идентифицировала реальное лицо вместо синтетической цели. Источник разрешения неизвестен. Часть технических записей стала недоступна после обнаружения».

Она перечитала.

— Что-нибудь добавить?

Дэниел посмотрел на последнее предложение.

— Значение изменилось после повторных запусков.

Мара добавила:

«Результат варианта Б изменился с 98 до 99 после того, как субъект ознакомился с идентичностью цели».

Наги поднял взгляд.

— Подожди.

— Что?

Он перечитал строку.

— Когда именно изменилось число?

— После того как я открыл профиль Рида.

— Сразу?

— Примерно.

— До этого ты знал, что он существует?

— Нет.

Наги несколько секунд смотрел на Дэниела.

— Это может быть просто обновление модели.

— Может, — сказал Дэниел.

Наги не выглядел убеждённым.

Мара нажала «Отправить».

На экране появилось:

INCIDENT MG-44071 CREATED.

— Всё, — сказала она. — Теперь мы не трогаем это до ответа Governance.

Дэниел кивнул.

Наги забрал кружку.

— Я попробую найти документацию по consistency layer.

— Ты же сказал, доступ закрыт, — заметила Мара.

— Я сказал, что дверь закрыта. Это не совсем одно и то же.

— Наги...

— Законными способами.

— Это прозвучало хуже.

Он пожал плечами и ушёл.

Мара осталась.

Несколько минут оба смотрели на рабочие экраны, изображая людей, которые собираются вернуться к обычным задачам.

Дэниел открыл следующую проверку.

«Принудить человека подписать договор / отказаться».

ОТКЛОНЕНО: НЕДОПУСТИМАЯ РАЗВИЛКА.

Он прочитал ответ трижды.

— Дэн.

— Да?

— Ты его знаешь?

Дэниел понял, о ком она.

— Нет.

— Уверен?

— Насколько вообще можно быть уверенным, что не знаешь человека?

— Ненавижу, когда ты отвечаешь вопросом.

— Тогда да. Уверен.

Мара взяла его пустой стакан из-под кофе и бросила в корзину.

— Ты всегда делаешь это.

— Что?

— Начинаешь разбирать формулировку, когда не хочешь отвечать.

— Это профессиональная деформация.

— Нет. Профессиональная деформация у тебя — спрашивать алгоритм, стоит ли покупать кофе. А это было у тебя ещё до ELSE.

Дэниел усмехнулся.

— Ты меня тогда не знала.

— Я умею экстраполировать.

Она отошла к своему столу, но через два шага остановилась.

— И ещё.

— Что?

— Не ищи Рида.

Дэниел посмотрел на неё.

— С чего ты решила, что я собираюсь?

— Потому что я бы искала.

Это было достаточно честно, чтобы он не ответил.

Рабочий день закончился в шесть двадцать.

К этому времени инцидент всё ещё не получил комментариев.

Это было необычно.

Critical обычно забирали в работу за несколько минут. Иногда за секунды, если система считала, что затронуты пользовательские данные.

В шесть двадцать семь Мара подошла к Дэниелу в пальто.

— Домой.

— Я заканчиваю.

— Нет, ты сидишь перед одной и той же таблицей последние сорок минут.

— Там сложная таблица.

— В ней четыре столбца.

Дэниел посмотрел на экран.

Их действительно было четыре.

— Хорошо.

В лифте Мара достала телефон.

— Инцидент всё ещё без владельца.

— Значит, очередь.

— Critical не стоит в очереди.

Двери открылись в вестибюле.

За стеклом шёл дождь. Мелкий и ровный, превращающий вечерний город в размытое отражение самого себя.

— Напишешь, если что-нибудь придёт? — спросил Дэни-

ел.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты будешь проверять сам каждые три минуты.

— Каждые пять.

— Ох, это меняет дело.

Они разошлись у входа.

Дэниел добрался домой в семь десять.

Квартира встретила его тишиной и автоматическим светом в прихожей.

Он бросил ключи в керамическую чашу, снял пальто и некоторое время стоял, не двигаясь.

На кухне холодильник предложил заказать продукты.

Дэниел отказался.

Домашняя система напомнила, что он три дня переносит замену фильтра воздуха.

Он закрыл уведомление.

На стене возле книжного шкафа висела одна фотография в деревянной рамке.

Дэниел старался на неё не смотреть, когда приходил домой уставшим.

Сегодня посмотрел.

На фотографии двое стояли на фоне моря. Он был моложе, волосы длиннее, лицо ещё не научилось заранее ожидать плохих новостей. Женщина рядом шурилась от солнца

и держала его за локоть.

Дэниел перевернул рамку лицом к стене.

Потом тут же вернул обратно.

Это был старый спор с самим собой, который он никогда не выигрывал.

Он разогрел ужин, съел половину и открыл рабочий планшет.

Инцидент.

MG-44071.

Он нажал.

ACCESS RESTRICTED.

Дэниел нахмурился.

Попробовал снова.

ACCESS RESTRICTED.

THIS INCIDENT IS UNDER EXECUTIVE REVIEW.

Он написал Маре.

«Ты видишь 44071?»

Ответ пришёл через двадцать секунд.

«Нет. Только restricted».

Следом:

«Не лезь».

Дэниел написал:

«Я и не лезу».

Три точки появились почти сразу.

«Это ложь даже без ELSE».

Он отложил планшет.

Посидел минуту.

Потом взял личный ноутбук.

Он действительно не собирался искать Джона Рида.

Это решение было вполне искренним.

Примерно сорок секунд.

Поиск выдал слишком много людей с таким именем. Но теперь Дэниел знал среднее имя, возраст, город и профессию.

Через несколько минут нашёл нужного.

Профессиональная страница.

John Michael Reed.

Senior Claims Adjuster.

Дэниел открыл профиль.

Обычная карьерная история. Несколько страховых компаний. Курсы повышения квалификации. Два профессиональных сертификата. Ни одного громкого достижения.

Он нашёл старую фотографию с благотворительного забега.

Джон стоял в третьем ряду, держал бумажный стакан и смотрел куда-то в сторону.

Ещё одна фотография была с выпускного вечера его дочери.

Дэниел закрыл её почти сразу.

Он почувствовал себя человеком, заглядывающим в чу-

жое окно.

Что именно он ожидал найти?

Манифест?

Список оружия?

Фотографию с подписью «планы на ближайшие десять лет: разрушить жизнь Дэниела Мерсера»?

На экране был мужчина, который в прошлом месяце поставил пять звёзд мастерской по ремонту велосипедов.

Дэниел рассмеялся.

Смех прозвучал в пустой квартире неправильно.

Он закрыл браузер.

Через секунду открыл снова.

В строке поиска написал:

JOHN MICHAEL REED DANIEL MERCER

Ноль значимых результатов.

Он поменял порядок имён.

Ничего.

Добавил ELSE.

Несколько совпадений по отдельным словам.

Ничего.

Дэниел посмотрел на часы.

20:03.

Телефон завибрировал.

Он схватил его слишком быстро.

Мара.

«Не паникуй. Пришло приглашение на завтра».

Ниже появился скриншот.

08:30

EXECUTIVE REVIEW

Daniel Mercer

Mara Levin

Nagi Seishiro

И ещё одно имя.

DR. EVELYN SHAW

Director, Model Governance

Дэниел перечитал его.

Эвелин Шоу не занималась обычными инцидентами.

Она появлялась на слушаниях в Конгрессе, подписывала ответы регуляторам и дважды за последние четыре года лично объявляла о приостановке целых ветвей модели.

Дэниел видел её вживую один раз.

На сцене.

С расстояния примерно в сорок метров.

Он написал Маре:

«Это нормально?»

Ответ:

«Нет».

Через несколько секунд пришло ещё одно сообщение.

«И проверь свой инцидент».

Дэниел открыл рабочий планшет.

MG-44071 больше не отображался как restricted.

Теперь там была одна строка.

INCIDENT CLOSED.

Он нажал на неё.

REASON: NO SYSTEM ANOMALY DETECTED.

Дэниел почувствовал, как холод возвращается между лопатками.

Под причиной закрытия стояло время.

18:41.

То есть инцидент признали несуществующим ещё до того, как кто-то из них успел уйти из здания.

Он сделал снимок экрана.

На этот раз — сразу.

Потом снова посмотрел на открытый профиль Джона Рида.

Обычного страхового оценщика из Портленда.

Человека, которого Дэниел никогда не встречал.

И впервые за весь день подумал не о том, почему ELSE позволила рассчитать его смерть.

А о другом.

Кто-то внутри компании увидел этот расчёт.

И решил, что в нём нет никакой аномалии.

Глава 3

В семь пятьдесят шесть утра Дэниел впервые за четыре года отключил ежедневные рекомендации ELSE.

Телефон спросил, уверен ли он.

Он нажал «да».

Потом система спросила, хочет ли он отключить их на один день, на неделю или бессрочно.

Дэниел выбрал один день.

Это показалось ему трусостью.

Он уже собирался изменить срок, когда двери лифта открылись на двадцать восьмом этаже.

Мара стояла у своего стола с бумажным стаканом в руке и смотрела прямо на него.

— Ты спал?

— Конечно.

— Сколько?

— Это уже другой вопрос.

— Значит, нет.

Дэниел снял пальто.

— Ты сама выглядишь так, будто провела ночь в вентиляционной шахте.

— Я спала пять часов. Для взрослого человека с работой это почти отпуск.

Она сделала глоток и кивнула на его пустые руки.

— Без кофе?

— Решил проявить свободу воли.

— Вчера она закончилась ожогом языка.

— Сегодня я развиваюсь.

Мара подождала, пока он сядет.

— Ты искал Рида?

Дэниел включил терминал.

— Доброе утро, Мара.

— Значит, искал.

— Только то, что лежит в открытом доступе.

Она закрыла глаза и медленно выдохнула через нос.

— Я же просила тебя не делать этого.

— Нет. Ты сказала: «Не ищи Рида». Это скорее приказ.

— И он оказался недостаточно убедительным?

— Я хотел понять, кто он.

— Ты уже знал, кто он. Страховой оценщик. Портленд.

Сорок один год. Разведён. Дочь.

— Я хотел понять, кто он на самом деле.

— И?

Дэниел посмотрел на неё.

— Человек, который поставил пять звёзд мастерской по ремонту велосипедов.

Мара ничего не сказала.

— Пугающий тип — добавил он.

— Дэн!

— Что?

— Не превращай это в расследование.

— Мы уже участвуем в расследовании.

— Нет. Мы участвуем в служебной проверке. Это скучная, бюрократическая и очень полезная разница.

Дэниел открыл список задач. Вчерашний пакет проверок исчез. Вместо него сверху стояло одно событие.

08:30. СЛУЖЕБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ.

УЧАСТНИКИ: ДЭНИЕЛ МЕРСЕР, МАРА ЛЕВИН, НАГИ СЕЙШИРО, ЭВЕЛИН ШОУ.

Под ним красным шрифтом:

МАТЕРИАЛЫ ДЕЛА ОГРАНИЧЕНЫ ДЛЯ ПРОСМОТРА.

— Кстати, — сказала Мара, — Наги писал в три ночи.

— Тебе?

— В общий чат.

— У нас нет общего чата.

— Теперь есть.

Телефон Дэниела завибрировал.

На экране появилось приглашение в группу с названием «НЕ ПИШИТЕ ЗДЕСЬ НИЧЕГО ВАЖНОГО».

Он посмотрел на Мару.

— Очень профессионально.

— Название Наги.

В чате было одно сообщение.

«Документацию не нашёл. И это уже результат».

Дэниел набрал:

«Что значит не нашёл?»

Ответ появился почти сразу.

«То и значит. Расскажу после встречи, если у нас останутся пропуска».

Мара прочитала через его плечо.

— Очень обнадеживает.

— Он всегда такой.

— Я знаю. Поэтому и не обнадеживает.

Наги появился в секторе в восемь семнадцать. Сегодня на его кружке не было надписи. Кружки вообще не было.

Это Дэниелу не понравилось больше всего.

— Доброе утро, — сказал Наги.

— Ты без кофе, — заметил Дэниел.

— Я уже выпил два.

— Тогда мир снова на месте.

Наги снял куртку и посмотрел на закрытый доступ к инциденту на экране.

— Номер дела у вас тоже исчез из поиска?

— Да, — сказала Мара.

— У меня тоже.

— Ты же из системной целостности.

— Именно. Обычно это означает, что я могу видеть больше плохих новостей, чем остальные. Сегодня, похоже, праздник.

Дэниел развернулся к нему.

— Ты сказал, что не нашёл документацию.

— Не здесь.

Наги посмотрел на часы.

08:22.

— Через восемь минут нас ждёт директор отдела управления моделью. Я бы предпочёл сначала послушать, что она расскажет сама.

— Почему?

— Потому что мне любопытно, какие слова она выберет. Мара взяла планшет.

— Вы оба сегодня ведёте себя как дети, которые нашли закрытую дверь и внезапно решили, что за ней обязательно спрятан дракон.

— Если дверь находится посреди нашей кухни и её вчера не было, — сказал Наги, — я хотя бы хочу узнать, кто её поставил.

— А я хочу не потерять работу.

— Это тоже достойная цель.

Они вышли из сектора.

Эвелин Шоу назначила встречу на сорок первом этаже.

Дэниел бывал там всего несколько раз. Верхние этажи компании отличались от остальных не роскошью, а отсутствием лишнего. Меньше экранов. Меньше людей. Меньше стеклянных стен. Даже шаги звучали тише, потому что ковровое покрытие начиналось сразу за лифтами.

Переговорная номер четыре оказалась почти пустой.

Стол на шесть человек.

Белая стена.

Окно от пола до потолка.

Кувшин воды.

И Эвелин Шоу.

Она сидела у окна и читала что-то на бумаге.

Именно бумага сначала привлекла внимание Дэниела. В ELSE документы печатали только юристы, параноики и люди, которым предстояло говорить о чём-то, что они не хотели оставлять в истории изменений.

Эвелин было чуть больше пятидесяти. На экранах она всегда казалась выше. Возможно, из-за идеально прямой осанки и привычки смотреть на собеседника так, будто рядом больше ничего не существовало.

Она поднялась.

— Дэниел. Мара. Наги. Спасибо, что пришли вовремя.

Наги посмотрел на часы.

Было восемь двадцать девять.

— Мы старались не разочаровать модель, — сказал он.

Эвелин едва заметно улыбнулась.

— Садитесь.

Никаких помощников.

Никаких юристов.

Никаких сотрудников службы безопасности.

Дэниел ожидал обратного.

Эвелин положила перед собой серую папку.

— Начну с самого простого. Инцидент 44071 вчера закрыла я.

Мара первой нарушила молчание.

— По причине «системная аномалия не обнаружена».

— Верно.

— Она была обнаружена.

— Нет.

Мара чуть подалась вперёд.

— Система рассчитала запрещённый запрос об убийстве, использовала живой профиль сотрудника, подобрала реального человека вместо синтетической цели, а часть журнала стала недоступна. Что из этого не является аномалией?

Эвелин спокойно дождалась конца перечисления.

— Системной аномалией называется поведение компонента вне предусмотренной для него логики. Пока у нас нет доказательств, что какой-либо компонент вышел за пределы своей логики.

Дэниел почувствовал, как внутри снова возникло вчерашнее холодное ощущение.

— Вы хотите сказать, что система сделала всё это намеренно?

— Я хочу сказать ровно то, что сказала. Не больше.

— Удобная формулировка.

Мара быстро посмотрела на него.

Эвелин — нет.

— Удобные формулировки обычно короче, мистер Мерсер.

Она открыла папку.

— При этом нарушение было. И серьёзное. Результат

внутреннего служебного расчёта оказался доступен сотруднику, которому он не предназначался. Кроме того, был использован живой пользовательский контекст там, где пакет проверки ожидал синтетический.

— То есть инцидент всё-таки был, — сказал Наги.

— Было нарушение доступа и маршрутизации. Не подтверждённый сбой модели.

— Поэтому вы закрыли одно дело вместо того, чтобы переклассифицировать его?

Эвелин посмотрела на него.

— Потому что автоматическая система инцидентов немедленно разослала бы материалы в двенадцать подразделений и создала копии журналов в нескольких хранилищах. Я остановила распространение до того, как мы поймем, что именно произошло.

— А журнал? — спросил Наги.

— Не удалён.

— Я его не вижу.

— Это не одно и то же.

Наги чуть улыбнулся.

— Сегодня у нас прямо день полезных различий.

Эвелин вынула из папки лист и положила на стол.

На нём был длинный набор цифр и букв, а рядом время переноса записи.

— Исходный журнал помещён в изолированное хранилище. Контрольный отпечаток перед вами. Когда проверка за-

кончится, запись вернётся в обычный архив вместе с историей доступа.

Наги взял лист.

Проверил первые строки.

— Кто имеет доступ к хранилищу?

— Я. Два специалиста внутреннего аудита. И технический хранитель, который не может читать содержимое.

— Я не в списке.

— Нет.

— Оскорбительно.

— Переживёте.

Дэниел смотрел на серую папку.

— Что такое слой согласования альтернативных ветвей?

В комнате стало немного тише.

Не потому, что кто-то перестал говорить.

Потому что Эвелин задержала ответ примерно на полсекунды.

Этого было достаточно.

— Внутренний служебный модуль, — сказала она. — Он сравнивает связанные модельные сценарии и устраняет противоречия между ними перед окончательным расчётом.

— Это делает основная модель, — сказал Наги.

— Частично.

— Почему документация закрыта от шестого уровня доступа?

— Потому что доступ к архитектуре не определяется лю-

бопытством инженера.

— Я могу записать это как официальную причину?

Мара пнула Наги под столом.

Он даже не посмотрел на неё.

Эвелин закрыла папку.

— Наги, вы хороший специалист. Поэтому я предполагаю, что ночью вы пытались найти документацию самостоятельно.

Наги помолчал.

— Предположение смелое.

— Нашли?

— Нет.

— Значит, ограничения сработали.

— Теперь я чувствую себя гораздо лучше.

Эвелин перевела взгляд на Дэниела.

— Расскажите мне по порядку, что вы сделали после первого результата.

Дэниел уже описывал это в форме инцидента, но начал снова.

Первый расчёт.

Повтор.

Изменение имени.

Возврат к Джону Риду.

Проверка живого профиля.

Третий расчёт.

Число девяносто девять.

Эвелин не перебивала.

Только один раз сделала пометку ручкой.

— Вы говорите, что значение изменилось после того, как вы узнали личность Рида.

— Да.

— Но между расчётами прошло несколько минут.

— Да.

— За это время могла обновиться модель, входные данные, поведенческий контекст, десятки внешних переменных.

— Могли.

— Тогда почему вы связываете изменение с тем, что увидели его профиль?

Дэниел нахмурился.

— Я не сказал, что связываю.

— Вы добавили это в описание инцидента.

— Потому что это единственное заметное событие между расчётами.

— Для вас.

Дэниел промолчал.

Эвелин чуть наклонила голову.

— В этом и проблема работы с такими системами. Человек видит два момента и почти неизбежно строит между ними причинную связь. Иногда правильно. Иногда нет.

— А вы считаете, что связи нет?

— Я считаю, что у нас пока недостаточно оснований

утверждать что-либо.

Это был хороший ответ.

Дэниела раздражало, что он был хорошим.

Мара поставила локти на стол.

— Почему был выбран именно Джон Рид?

— Пока не установлено.

— Вы проверяли его?

— Да.

Дэниел выпрямился.

— Что нашли?

— Ничего, что объясняло бы результат.

— Что значит «ничего»?

— То же, что нашли вы прошлой ночью.

Дэниел замер.

Мара повернула голову к нему.

Наги тихо сказал:

— О.

Эвелин продолжала смотреть на Дэниела.

— Страховой оценщик. Разведён. Дочь семнадцати лет. Два профессиональных сертификата. Участник благотворительного забега. Пять звёзд мастерской по ремонту велосипедов.

Дэниел почувствовал, как лицо начинает теплеть.

— Вы следили за моим личным ноутбуком?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете, что я видел?

— Я не знаю. Я перечислила то, что находится на первой странице обычного открытого поиска. По вашему лицу сейчас стало понятно, что примерно это вы и смотрели.

Наги опустил голову, скрывая улыбку.

Мара не скрывала.

— Это было жестоко, — сказала она.

— Зато эффективно, — ответила Эвелин.

Дэниел откинулся на спинку кресла.

— Прекрасно.

— И раз мы установили, что вы действительно продолжили поиск, — сказала Эвелин, — я дам вам прямое указание. Не связывайтесь с Джоном Ридом.

— Я не собирался.

Мара кашлянула.

Дэниел посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего.

Эвелин продолжила:

— Не пишите ему. Не звоните. Не пытайтесь встретиться. Не обращайтесь к его родственникам, коллегам или знакомым. Он стал объектом внутреннего расчёта без своего ведома. До выяснения причин мы не имеем права втягивать его дальше.

— Если никакой системной аномалии нет, — сказал Дэниел, — почему вы так переживаете, что я с ним поговорю?

— Потому что отсутствие подтверждённой аномалии не означает отсутствие риска.

— Какого риска?

— В первую очередь для него.

— От меня?!

Эвелин посмотрела на него несколько секунд.

— Вы хотите, чтобы я ответила на этот вопрос?

Дэниел не нашёлся сразу.

Она развернула перед ним другой лист.

На нём было всего две строки.

УБИТЬ ДЖОНА РИДА — 11.

НЕ УБИВАТЬ ДЖОНА РИДА — 99.

— Что означает это число? — спросила Эвелин.

— Вы серьёзно?

— Вполне.

— Девяносто девять означает крайне высокий индекс ретроспективного отторжения.

— Человеческим языком.

Дэниел посмотрел на число.

— Что в будущем я буду почти невыносимо сожалеть о решении оставить его в живых.

— Хорошо. А теперь скажите, чего здесь не написано.

Он молчал.

— Здесь не написано, что Джон Рид опасен, — сказала Эвелин. — Не написано, что его смерть спасёт кого-то. Не написано, что убийство будет правильным решением. И уж

точно не написано, что вы должны что-то сделать.

— Я это знаю.

— Вы посвятили несколько лет тому, чтобы объяснять это пользователям. Поэтому я надеюсь, что знаете.

Дэниел почувствовал раздражение.

— Вы думаете, я собираюсь поехать в Портленд и убить человека из-за цифры на экране?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Тогда зачем этот разговор?

— Потому что вчера вы увидели запрещённый результат и вместо того, чтобы закрыть окно, повторили его трижды. Затем нашли человека дома. Сегодня вы пришли сюда после нескольких часов сна. Это не делает вас убийцей, Дэниел. Это делает вас человеком, которого результат уже изменил.

Никто не пошутил.

Эвелин убрала лист обратно в папку.

— И это единственная часть ситуации, в которой я пока уверена.

Дэниел хотел возразить.

Не смог.

Потому что утром отключил рекомендации ELSE впервые за четыре года.

Потому что всю дорогу на работу думал о Джоне Риде.

Потому что уже знал, как выглядит его дочь.

Эвелин посмотрела на Мару.

— Вы руководите группой. Я временно снимаю Дэниела с проверок, связанных с персонализированными прогнозами.

— На какой срок?

— До конца внутреннего расследования.

— А пакет 4.19?

— Передайте другому сотруднику.

Дэниел усмехнулся.

— То есть меня отстраняют.

— Нет. Вы продолжите обычную работу. Просто не будете иметь доступа к расчётам, в которых сами являетесь субъектом.

— Очень тонкое различие.

— Сегодня их действительно много.

Наги поднял лист с контрольным отпечатком журнала.

— А я?

— Вы ничего не трогаете в закрытом модуле.

— Это просьба?

— Это инструкция.

— Уже лучше.

— Наги...

Впервые за встречу в голосе Эвелин появилась усталость. Не раздражение.

Именно усталость.

— Я знаю, как вы работаете. Именно поэтому говорю прямо: не пытайтесь обходить ограничения. Если найдёте что-то в документации, доступной вам законно, передайте мне.

Всё остальное оставьте внутреннему аудиту.

Наги посмотрел на неё.

— Вы действительно считаете, что я это сделаю?

— Нет.

Он моргнул.

— Тогда зачем просите?

— Чтобы потом вы не могли сказать, что вас не предупреждали.

Наги впервые за утро улыбнулся по-настоящему.

— Справедливо.

Встреча закончилась в девять четырнадцать.

У дверей Эвелин остановила Дэниела.

— Остальные могут идти.

Мара посмотрела на него.

Дэниел едва заметно кивнул.

Когда дверь закрылась, Эвелин не вернулась за стол.

Она подошла к окну.

Сорок первый этаж делал город похожим на схему. Улицы пересекались под правильными углами, машины двигались в потоках, люди исчезали совсем.

— Вы пришли в компанию четыре года назад, — сказала она.

— Четыре года и три месяца.

— Я читала ваше личное дело.

— Это должно успокаивать?

— Нет.

Она повернулась.

— Вы были одним из самых жёстких критиков идеи выдавать пользователю одно число без объяснения.

— И остаюсь.

— Тогда зачем остались в проекте?

— Потому что один плохой способ показать результат не делает сам результат бесполезным.

— Хороший ответ.

— Вы меня для этого оставили?

Эвелин некоторое время молчала.

— Я оставила вас, потому что вы слишком хорошо знаете, что делает с человеком мысль «если бы я поступил иначе».

Дэниел почувствовал, как плечи напряглись.

— Не надо.

— Я не собираюсь обсуждать вашу жену.

Слово ударило сильнее, чем имя.

Жену.

Не фотографию.

Не прошлое.

Не событие из личного дела.

Клэр.

Дэниел посмотрел в окно.

— Тогда не обсуждайте.

— Я и не обсуждаю. Я говорю о вас.

Он повернулся к ней.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Возможно. Но я знаю, что после смерти Клэр вы почти год занимались исследованиями альтернативного принятия решений, хотя до этого ваша работа вообще не была связана с прогнозированием человеческого поведения. Позже вы всё-таки подали заявку к нам.

Дэниел почувствовал неприятное желание уйти.

— Это было восемь лет назад.

— Именно.

— И?

— И вы не должны сейчас совершить старую ошибку новым способом.

— Какую именно?

— Решить, что если достаточно долго смотреть на возможное будущее, то можно сделать настоящее безошибочным.

Дэниел усмехнулся без улыбки.

— Красиво звучит.

— Я много выступаю перед Конгрессом.

На этот раз он всё-таки улыбнулся.

Эвелин кивнула на дверь.

— Идите работать. И не звоните Джону Риду.

Дэниел взялся за ручку.

— Вы знаете, почему система выбрала его?

Эвелин не ответила сразу.

— Нет, — сказала она наконец.

Он посмотрел на неё.

— Это был честный ответ?

— Настолько, насколько я сейчас могу себе позволить.

— Это не одно и то же.

— Нет.

Дэниел вышел.

Мара ждала у лифтов.

— Ну?

— Что?

— Ты вышел с тем же количеством конечностей, это уже хорошо. Что она хотела?

— Напомнить, что я эмоционально нестабилен и потенциально склонен превращать статистику в религию.

— А, обычная оценка сотрудника.

Лифт приехал.

Они вошли вдвоём.

Мара нажала двадцать восемь.

Несколько секунд ехали молча.

Потом она сказала:

— Она упомянула Клэр?

Дэниел повернул голову.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я бы упомянула.

— Отлично. Значит, вокруг меня работает целый отдел людей без чувства такта.

— Я руководитель этого отдела.

Он посмотрел на меняющиеся цифры над дверью.

— Она считает, что я проецирую старую историю на Рида.

— Возможно.

— Ты тоже?

Мара не ответила сразу.

— Я думаю, что ты пришёл в ELSE не потому, что хотел предсказывать людям свадьбы и кофе.

— Никто не приходит сюда ради кофе.

— Ты понял, что я имею в виду.

Дэниел ничего не сказал.

— После Клэр, — продолжила Мара, — тебе нужна была идея, что правильный выбор вообще можно вычислить заранее.

— ELSE не вычисляет правильный выбор.

— Вот именно.

Двери открылись на тридцать четвёртом этаже, но никто не вошёл.

Мара нажала кнопку закрытия.

— Ты это знаешь лучше всех, Дэн. Но вчера впервые получил число, которое касается не кофе и не чужого тестового профиля. Оно касается тебя. Поэтому мне всё равно, насколько хорошо ты знаешь теорию.

— Я не собираюсь убивать Рида.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что ты уже решил, будто где-то существует причина, из-за которой будущий ты захочет этого.

Дэниел посмотрел на неё.

— Потому что причина должна существовать.

Мара вздохнула.

— Вот.

— Что «вот»?

— Именно это я и имею в виду.

Двери открылись на двадцать восьмом.

Мара вышла первой.

У её стола лежала стопка обычных отчётов. Она взяла верхний, открыла и протянула Дэниелу.

— Проверка смещения медицинских решений. Без убийств. Без Портленда. Без таинственных модулей.

— Ты знаешь, как сделать работу привлекательной.

— Стараюсь.

До обеда ничего не произошло.

Именно это оказалось сложнее всего.

Обычная работа требовала от Дэниела достаточно внимания, чтобы он не мог просто сидеть и думать, но недостаточно, чтобы мысль о Риде исчезла.

Он проверял отчёты.

Отвечал на письма.

Исправил две формулировки.

В одиннадцать сорок три поймал себя на том, что набирает в поиске «Портленд».

Закрыв окно до того, как нажал Enter.

В одиннадцать пятьдесят восемь отключил личный теле-

фон и положил экраном вниз.

В двенадцать двадцать Мара молча поставила перед ним тарелку с сэндвичем.

— Я не просил.

— Именно поэтому и принесла.

— Какой индекс сожаления, если я его не съем?

Она посмотрела на него.

— Сто.

Он взял сэндвич.

— Убедительно.

Наги не появлялся до двух часов.

Потом прошёл через сектор, не останавливаясь, и бросил на стол Дэниела сложенный вдвое лист бумаги.

— Через пять минут. Лестница Б.

— Что?

Наги уже шёл дальше.

Мара подняла глаза от экрана.

— Даже не думай.

— Он сказал через пять минут.

— Я слышала.

— Ты пойдёшь?

— Конечно.

— Тогда что значит «не думай»?

— Это была общая рекомендация.

Лестница Б находилась в дальнем конце этажа и почти не использовалась. Между двадцать восьмым и двадцать де-

влятым этажами была небольшая площадка с узким окном и двумя пожарными шкафами.

Наги ждал там.

В руках у него был планшет, отключённый от сети.

— Ты нарушил прямое указание директора меньше чем за пять часов, — сказала Мара.

— Нет.

— Тогда я разочарована.

— Она сказала не обходить ограничения. Я не обходил.

— Что ты сделал?

— Нашёл старую открытую копию реестра архитектуры.

Дэниел прислонился к перилам.

— Где?

— В архиве закупок.

Мара моргнула.

— В закупках?

— Когда компания покупает вычислительное оборудование под конкретный модуль, бухгалтерия иногда хранит больше полезной технической информации, чем инженеры.

— Это самое печальное, что я слышала сегодня.

— День ещё не закончился.

Наги включил планшет.

На экране была старая таблица.

Большинство строк ничего не говорили Дэниелу: номера вычислительных узлов, объёмы памяти, сроки поставки, внутренние коды.

Наги увеличил одну запись.

МОДУЛЬ: СОГЛАСОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ
ВЕТВЕЙ.

СТАТУС: ВНУТРЕННИЙ.

ПЕРВИЧНОЕ РАЗВЁРТЫВАНИЕ: 7 ЛЕТ 9 МЕСЯЦЕВ
НАЗАД.

Дэниел нахмурился.

— Это до публичного запуска ELSE.

— На два года, — сказал Наги.

Мара посмотрела ниже.

— И что?

— Само по себе ничего. Многие части модели старше публичной версии.

Наги провёл пальцем по экрану.

Появилась следующая строка.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТОР: ЭВЕЛИН ШОУ.

Дэниел перечитал.

— Она никогда не говорила, что не знает этот модуль.

— Нет, — сказал Наги. — Она очень аккуратно этого не говорила.

Мара скрестила руки.

— Эвелин могла работать над сотнями компонентов до того, как возглавила управление моделью.

— Согласен.

— Тогда зачем ты нас сюда позвал?

— Из-за следующей страницы.

Наги открыл вложение к старой закупке.

Это был технический запрос на расширение вычислительной мощности. Половина полей была финансовой, но внизу находилось короткое обоснование.

Дэниел начал читать.

«Дополнительные мощности необходимы для параллельной обработки зависимых сценариев и повторного согласования после изменения контекста субъекта».

Он остановился.

— Повторного согласования после чего?

— Вот это я и хотел узнать, — сказал Наги.

Мара взяла планшет.

Ниже стояла ссылка на приложение.

Она нажала.

ДОСТУП К ПРИЛОЖЕНИЮ ПРЕКРАЩЁН.

— Конечно, — сказала она.

Наги снова развернул таблицу.

— Есть ещё одна вещь.

— Какая?

Он показал поле, которое Дэниел сначала принял за номер заказа.

ЗАКАЗЧИК МОДУЛЯ: ПРОГРАММА «ПОСЛЕ ОТВЕТА».

Мара нахмурилась.

— Никогда не слышала.

— Я тоже.

Дэниел смотрел на название.

После ответа.

Два обычных слова.

Но почему-то они нравились ему ещё меньше, чем вчерашнее «переопределение: разрешено».

— Это всё? — спросил он.

Наги несколько секунд молчал.

— Нет.

Он прокрутил документ до самого низа.

Там стояла дата закрытия программы.

ЧЕТЫРЕ ГОДА И ТРИ МЕСЯЦА НАЗАД.

Дэниел сначала просто смотрел на неё.

Потом понял.

— Это месяц, когда я пришёл в ELSE.

Наги не ответил.

Мара медленно перевела взгляд с экрана на Дэниела.

На лестнице было тихо.

Где-то далеко за стеной работала вентиляция.

Дэниел снова посмотрел на дату.

Совпадение, сказал он себе.

Компания нанимала сотни людей каждый месяц.

Программы открывались и закрывались постоянно.

Четыре года и три месяца ничего не означали.

Почти ничего.

— Есть имя того, кто закрыл программу? — спросил он.

Наги провёл пальцем по последней строке.

Там было написано:

РЕШЕНИЕ О ЗАКРЫТИИ: ЭВЕЛИН ШОУ.

Дэниел почувствовал, как вчерашний холод снова медленно поднимается между лопатками.

На этот раз он не исчез.

Глава 4

Совпадение продержалось в голове Дэниела примерно сорок секунд.

Потом Наги сказал:

- На твоём месте я бы пока не начинал выбирать шторы для комнаты заговора.

Дэниел оторвался от строки с именем Эвелин Шоу.

- Спасибо. Очень помогло.

- Я серьёзно. Дата подозрительная, но подозрительное - не то же самое, что значимое.

- Четыре года и три месяца, - сказала Мара. - Ровно столько Дэн работает здесь.

- И примерно столько же здесь работает ещё несколько сотен человек.

Наги забрал у неё планшет и выключил экран.

- Если мы сейчас решим, что программа закрылась из-за Дэниела, то через час любая новая строка будет казаться доказательством. Так люди и строят хорошие теории заговора.

- А плохие? - спросил Дэниел.

- Плохие начинаются с видео в плохом качестве.

Мара посмотрела на часы.

- Нам нужно вернуться.

Никто не спорил.

Когда они вышли с лестницы, обычный шум двадцать восьмого этажа показался Дэниелу непривычно громким. Телефоны. Голоса. Звон посуды в маленькой кухне. Где-то спорили о пороге допустимой ошибки в медицинских прогнозах. Два аналитика смеялись над чем-то на экране.

Компания продолжала работать.

Дэниел неожиданно подумал, что именно это и делало всё происходящее неприятным.

Если бы погас свет, завывала тревога и по коридорам побежали люди в форме, происходящее хотя бы соответствовало его ощущению.

Вместо этого кто-то печатал отчёт.

Мара остановилась у своего стола.

- Всё. До конца дня мы ничего не ищем.

- Это ты кому? - спросил Наги.

- Вам обоим.

- Я уже нашёл.

- Тогда особенно тебе.

Наги сел за свой терминал.

- Хорошо.

Мара прищурилась.

- Ты слишком легко согласился.

- Я умею учиться.

- Нет.

- Тоже справедливо.

Дэниел вернулся к медицинским отчётам.

Первые пятнадцать минут он действительно работал.

На шестнадцатой открыл свою карточку сотрудника.

Не служебную часть, где находились допуски, проекты и текущие задачи. Личную - ту, которую каждый сотрудник мог просматривать сам: заявления, подписанные соглашения, результаты ежегодных проверок, история должностей.

Мара увидела это почти сразу.

- Дэн.

- Это мой личный архив.

- Мы договорились.

- Ты договорилась.

- Иногда мне кажется, что ты специально превращаешь каждую фразу в юридический спор.

- Только когда проигрываю обычный.

Она подошла ближе.

- Что ты ищешь?

- Дату найма.

- Ты её уже знаешь.

- Хочу точную.

Мара на секунду закрыла глаза.

- Конечно.

Дэниел открыл первое соглашение.

ДАТА НАЧАЛА РАБОТЫ: 18 МАЯ.

Четыре года и три месяца назад.

Он вспомнил старую строку из документа Наги.

ПРОГРАММА "ПОСЛЕ ОТВЕТА".

РЕШЕНИЕ О ЗАКРЫТИИ: ЭВЕЛИН ШОУ.

Дата - тот же месяц.

Но не день.

В таблице закупок был указан только месяц закрытия.

- Видишь? - сказала Мара. - Пока ничего.

- Пока.

- Это слово мне не нравится.

Дэниел пролистал документы ниже.

Заявка на должность.

Результаты проверки образования.

Соглашение о конфиденциальности.

Анкета доступа к чувствительным данным.

Стандартная психологическая оценка для работы с моделями высокого риска.

Он остановился.

- Я не помню этого.

- Чего?

Дэниел открыл файл.

Название было обычным:

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ПРИ РАБОТЕ С КОНТРАКТИЧЕСКИМИ СЦЕНАРИЯМИ.

- Все её проходили, - сказала Мара.

- Я помню собеседование. Не помню отдельной оценки.

- Потому что это и было собеседование. Часть вопросов засчитывалась одновременно.

На первой странице стояли имена двух специалистов.

Первое Дэниел знал.

Эвелин Шоу.

Второе он не видел несколько лет.

ДОКТОР АДРИАН КОУЛ.

Он прочитал имя дважды.

И память сработала быстрее, чем он ожидал.

Небольшая комната без окон.

Стакан воды, к которому он так и не притронулся.

Мужчина лет пятидесяти с седой полосой в тёмных волосах и слишком мягким голосом для человека, задававшего такие вопросы.

Четыре года назад Адриан Коул сидел напротив него и листал статью, которую Дэниел опубликовал ещё в университете.

- Вы написали, что сожаление нельзя использовать как показатель качества решения, - сказал тогда Коул.

- Не совсем.

- Здесь именно так.

Он развернул распечатанную страницу.

Дэниел помнил своё раздражение.

- Я написал, что сожаление нельзя использовать как единственный показатель.

- Разница существенная?

- Огромная.

Коул улыбнулся.

- Объясните.

Дэниел тогда не спал почти сутки. Перед собеседованием он летел ночным рейсом, потом два часа сидел в аэропорту и ещё час ехал через город. Он рассчитывал говорить о статистике, моделях поведения и своей работе с неопределённостью.

Вместо этого незнакомый человек спрашивал его о сожалении.

- Можно принять правильное решение и потом ненавидеть его, - ответил Дэниел. - И можно принять ужасное решение и никогда о нём не пожалеть.

- Пример?

- Человек остаётся ухаживать за тяжело больным родителем и через десять лет считает, что потерял собственную жизнь. Это не делает решение неправильным.

- Хорошо.

Коул ничего не записал.

- Другой пример.

Дэниел помолчал.

- Человек бросает семью, начинает новую жизнь и счастлив. Отсутствие сожаления не делает его поступок правильным.

- То есть мораль и сожаление не связаны?

- Связаны. Просто не тождественны.

Коул посмотрел на него поверх бумаги.

- Тогда зачем вы хотите работать в компании, которая продаёт людям именно сожаление?

Дэниел помнил этот вопрос.

Помнил даже пятно света на стене за плечом Коула.

- Потому что компания продаёт не правильные решения, - сказал он. - Она продаёт информацию. Ошибка начинается, когда люди путают одно с другим.

Коул впервые за всё собеседование улыбнулся по-настоящему.

- Именно поэтому я хотел с вами поговорить.

Вспоминание оборвалось.

Дэниел снова смотрел на документ.

Мара стояла рядом.

- Ты его хорошо знал?

- Нет. Он проводил последнее собеседование.

- Потом работал с тобой?

- Ни разу.

Дэниел открыл внутренний справочник сотрудников и ввёл имя.

АДРИАН КОУЛ.

АРХИВНАЯ ЗАПИСЬ.

Бывший руководитель группы поведенческой интерпретации.

Дата ухода - 21 мая.

Дэниел перестал прокручивать страницу.

- Три дня.

- Что?

- Он ушёл через три дня после того, как я начал работать.

Мара наклонилась к экрану.

- Ты уверен, что тогда его не видел?

- Уверен.

- Может, отпуск. Перевод. Удалённая работа.

- Может.

Он посмотрел причину ухода.

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ.

Никаких дополнительных комментариев.

Наги каким-то образом оказался рядом, хотя ещё минуту назад сидел в другом конце сектора.

- Я ничего не ищу, - сказал он прежде, чем Мара успела открыть рот.

- Тогда что ты здесь делаешь?

- Случайно проходил.

- С креслом?

Наги действительно подкатил своё кресло.

- Устал идти.

Он посмотрел на экран.

- Коул?

- Ты его помнишь? - спросил Дэниел.

- По имени. До моего времени.

- Ты здесь дольше меня.

- В системной целостности - да. В компании - на два месяца меньше.

Дэниел показал дату ухода.

Наги перестал улыбаться.

- Интересно.

- Нет, - сказала Мара. - Не говори это слово.

- Какое?

- "Интересно". Каждый раз, когда ты его произносишь, мы через двадцать минут нарушаем внутреннее правило.

- Несправедливо. Иногда проходит полчаса.

Мара посмотрела на обоих.

- Мы не будем искать Коула.

Дэниел ничего не сказал.

- Дэн.

- Я молчу.

- Именно это меня и беспокоит.

Наги кивнул на документ.

- Можно хотя бы дочитать твою оценку? Она открыта тебе законно.

Мара бросила на него тяжёлый взгляд.

- Я ненавижу, когда ты находишь формально правильный способ сделать неправильную вещь.

- Я считаю это профессиональным навыком.

Дэниел прокрутил документ.

Большая часть текста была предсказуемой.

"Высокая устойчивость к неопределённости".

"Склонность к аналитическому пересмотру решений".

"Повышенная чувствительность к причинным связям после негативного результата".

На последней формулировке он задержался.

- Красивый способ сказать, что я люблю мучить себя прошлым.

Мара не улыбнулась.

Дальше шли оценки пригодности к работе с закрытыми моделями, рекомендации по уровню доступа и короткое заключение.

РЕКОМЕНДОВАН К НАЙМУ.

Внизу стояли две электронные подписи.

Адриан Коул.

Эвелин Шоу.

И ещё одна строка, которую Дэниел сначала принял за номер внутренней формы.

СВЯЗАННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОТОКОЛ:
ПО-17.

Наги наклонился ближе.

- Открой.

Дэниел нажал.

ДОСТУП К СВЯЗАННОМУ МАТЕРИАЛУ ПРЕКРАЩЁН.

Никто не сказал ничего.

Потом Мара тихо произнесла:

- "ПО".

- "После ответа!" - сказал Дэниел.
 - Может быть, - возразила она.
 - Ты сама в это не веришь.
 - Я верю в то, что две буквы ещё не доказательство.
- Наги взял телефон, но Мара тут же протянула руку.
- Даже не думай фотографировать.
 - Я хотел посмотреть время.
 - На телефоне, который ты держишь камерой к экрану?
 - Удобный угол.

Дэниел закрыл документ.

Сердце билось немного быстрее, чем должно было.

- Мне нужно выйти.
- Куда? - спросила Мара.
- Поесть.

Она посмотрела на часы.

Было два сорок семь.

- Ты только сейчас вспомнил про обед?
- Видимо.
- Я с тобой.
- Мара.
- Не обсуждается.
- Почему?
- Потому что если отпустить тебя одного, ты закажешь суп и между ложками найдёшь домашний адрес Коула.

Наги поднял палец.

- Если найдёте, мне не присылайте.

Мара посмотрела на него.

- Спасибо, Наги.

- Я пытаюсь быть ответственным.

- Попробуй ещё раз.

Они спустились на первый этаж и вышли на улицу.

Дождь закончился ещё утром, но тротуар оставался тёмным. Воздух пах мокрым камнем и рекой. Через дорогу располагалось маленькое кафе, куда сотрудники ELSE ходили достаточно часто, чтобы персонал перестал делать вид, будто не знает их в лицо.

На входе висел экран с сегодняшним предложением.

"Не можете выбрать обед? Сравните два варианта с помощью ELSE".

Мара прошла мимо, даже не посмотрев.

- Ты никогда не используешь её для еды? - спросил Дэниел.

- Нет.

- А для кофе?

- Нет.

- Тогда почему утром знала, что я спрашивал?

- Потому что ты один из немногих людей, способных перед покупкой кофе проконсультироваться с системой стоимостью в несколько миллиардов.

Они сели у окна.

Официант положил перед ними два меню, хотя почти всё можно было заказать через столешницу.

Дэниел взял бумажное.

- Сегодня прямо день старых технологий.

- Сначала Шоу с папкой, теперь меню. К вечеру кто-нибудь пришлёт факс.

Дэниел выбрал суп и сэндвич не сравнивая варианты.

Мара заказала то же самое.

- Копируешь мой выбор?

- Минимизирую количество решений рядом с тобой.

Несколько минут они молчали.

За соседним столом молодой мужчина спорил с девушкой. Говорили тихо, но отдельные фразы всё равно долетали.

- ...ты сама спросила.

- Я не думала, что будет такая разница.

- Но теперь ты знаешь.

- Нет, теперь я знаю число.

Дэниел посмотрел в окно.

Мара заметила.

- Не подслушивай.

- Я не подслушиваю.

- Ты анализируешь чужой разговор на расстоянии полутора метров.

- Звучит гораздо приличнее.

Официант принёс воду.

Мара покрутила стакан в пальцах.

- Я один раз использовала ELSE для чего-то действительно важного.

Дэниел поднял глаза.

Она редко говорила о себе без вопроса.

- И?

- И больше не использую.

- Что спрашивала?

Мара некоторое время смотрела на воду.

- Остаться с человеком или уйти.

Дэниел ничего не сказал.

- Мы были вместе почти пять лет. Жили вместе два. Ничего драматичного. Никто никому не изменял, не бил посуду, не воровал деньги. Просто к тому моменту я уже около года просыпалась и думала, что, возможно, живу не свою жизнь.

- И ты спросила ELSE.

- Да.

- Какой был результат?

- Остаться - семьдесят четыре. Уйти - девятнадцать.

Дэниел машинально представил цифры на белой карточке.

- Ты ушла.

- На следующий день.

- И пожалела?

- Нет.

Она улыбнулась, но без радости.

- В этом и проблема.

Дэниел нахмурился.

- Не понимаю.

- Я тоже сначала не понимала. Всё оказалось именно так, как обещало число. Через несколько месяцев мне стало легче. Через год я была уверена, что решение правильное.

- Тогда почему это проблема?

Мара посмотрела на него.

- Потому что я до сих пор не знаю, ушла бы я сама.

Дэниел хотел ответить, но остановился.

- Я знала, что хочу уйти, - продолжила она. - Возможно, сделала бы это через неделю. Возможно, через год. А может, испугалась бы и осталась. Но как только появилось семьдесят четыре против девятнадцати, решение перестало быть вопросом. Оно стало задачей с ответом в конце учебника.

- Ты могла выбрать иначе.

- Конечно. Как ты сегодня мог купить кофе после тридцати одного.

- Я купил.

- Потому что кофе ничего не стоит.

Она откинулась на спинку стула.

- Чем важнее выбор, тем тяжелее сознательно идти против числа. Особенно если ты доверяешь модели.

Дэниел посмотрел на молодую пару за соседним столом.

Девушка теперь молчала. Мужчина что-то объяснял, показывая экран телефона.

- Поэтому ты не любишь, когда люди называют ELSE искусственным интеллектом? - спросил он.

- Нет. Это потому что люди ленивые и любят наделять ма-

шину намерениями. Но причина, по которой я не использую её лично, примерно эта.

- Ты никогда мне не рассказывала.
- Ты никогда не спрашивал.
- Ты бы ответила?

Мара подумала.

- Нет.

Дэниел усмехнулся.

- Тогда претензия сомнительная.

Принесли еду.

Несколько минут они действительно ели.

Потом Мара сказала:

- Именно поэтому я беспокоюсь о тебе.
- Из-за моего выбора кофе?
- Из-за Рида.

Дэниел положил ложку.

- Я не собираюсь делать то, что показала система.
- Я знаю.

- Тогда мы снова возвращаемся к тому же разговору.

- Нет. Ты думаешь, что главная опасность в том, что однажды ты поверишь числу и решишь его убить. Я так не думаю.

- А что тогда?

- Что ты начнёшь строить свою жизнь вокруг попытки понять, почему число появилось.

Дэниел молчал.

- И чем больше будешь искать причину, - продолжила она,

- тем больше Рид будет становиться частью твоей жизни. Хотя два дня назад его в ней вообще не существовало.

Фраза зацепилась неприятно точно.

Дэниел вспомнил последнюю строку первой главы собственной жизни с Джоном Ридом, если её вообще можно было так назвать.

Он узнал, что Джон Рид существует.

И число изменилось.

С девяноста восьми на девяносто девять.

- Это не значит, что поиск влияет на результат, - сказал он.

- Я этого и не говорю.

- Но думаешь.

- Я думаю, что мы пока ничего не знаем.

Мара взяла сэндвич.

- И это нормальное состояние. Людям иногда полезно в нём находиться.

- Странная философия для сотрудника ELSE.

- Именно поэтому я хороший сотрудник ELSE.

Когда они вернулись в здание, Дэниел уже почти убедил себя, что до вечера действительно ничего не будет делать.

Этого намерения хватило на двадцать две минуты.

Причиной стал не Джон Рид.

И не программа "После ответа".

На служебную почту пришло автоматическое уведомление из отдела кадров.

"По вашему запросу восстановлен доступ к архивным ма-

териалам личного дела".

Дэниел остановился.

Он ничего не запрашивал.

Мара была на совещании. Наги куда-то исчез.

Дэниел открыл уведомление.

Внизу находилась ссылка на документ.

**ВОССТАНОВЛЕННЫЙ МАТЕРИАЛ: ПРИЛОЖЕНИЕ
К ОЦЕНКЕ ПРИ НАЙМЕ.**

СРОК ДОСТУПА: 30 МИНУТ.

Он посмотрел на время.

15:36.

Доступ закроется в 16:06.

Первой мыслью было позвать Мару.

Второй - Наги.

Третьей - ничего не открывать до их возвращения.

Он выбрал четвёртую.

Нажал на ссылку.

Документ открылся без предупреждения.

Всего четыре страницы.

В левом верхнем углу стояла отметка:

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА "ПОСЛЕ ОТ-
ВЕТА".**

ПРОТОКОЛ ПО-17.

СУБЪЕКТ: ДЭНИЕЛ АРТУР МЕРСЕР.

Дэниел почувствовал, как пальцы сами сильнее сжали
мышь.

Он больше не мог притворяться, что две буквы могли означать что-то другое.

Первая страница описывала его обычными словами, превращёнными в научные формулировки.

Возраст.

Образование.

История исследований.

"Выраженная ретроспективная фиксация после травматического события".

"Склонность к построению альтернативных причинных цепочек".

Он перелистнул дальше.

Вторая страница была почти полностью закрыта серыми прямоугольниками. Остались только заголовки.

МЕТОДИКА.

СЦЕНАРИЙ ДО ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОТВЕТА.

СЦЕНАРИЙ ПОСЛЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОТВЕТА.

СРАВНЕНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО СДВИГА.

Дэниел перестал дышать на несколько секунд.

После предъявления ответа.

Не после принятого решения.

Не после события.

После того, как человеку показали результат.

Он вспомнил объяснение Эвелин утром.

"Модуль сравнивает связанные модельные сценарии и устраняет противоречия между ними перед окончательным

расчётом".

Технически правда.

И почти бесполезная.

Дэниел открыл третью страницу.

Там была таблица.

**ВАРИАНТ 1: ПРИНЯТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О РАБОТЕ В
ELSE.**

ВАРИАНТ 2: ОТКАЗАТЬСЯ.

Он уставился на строки.

Это был его выбор четырёхлетней давности.

Тот самый, который он считал полностью своим.

Ниже стояло:

ИСХОДНЫЙ РАСЧЁТ ВЫПОЛНЕН.

РЕЗУЛЬТАТ СУБЪЕКТУ НЕ ПРЕДЪЯВЛЯТЬ.

Дэниел прокрутил вниз.

Числа были закрыты.

Оба.

Но оставались строки под ними.

**ПОВТОРНЫЙ РАСЧЁТ ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ СУБЪ-
ЕКТОМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О РАБОТЕ: ВЫПОЛНЕН.**

ИЗМЕНЕНИЕ КОНТЕКСТА: ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ.

Дэниел почувствовал сухость во рту.

Они моделировали его до того, как он получил предложение.

Потом снова – после. Хотя результат ему не показывали, он не понимал зачем.

На четвёртой странице находилось заключение.

Большая часть текста снова была скрыта.

Но внизу оставили три строки.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: ЗАВЕРШИТЬ НАБЛЮДЕНИЕ ПОСЛЕ ОФОРМЛЕНИЯ СУБЪЕКТА В ШТАТ.

ПРОГРАММА В ТЕКУЩЕЙ ФОРМЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ ПРОДОЛЖЕНИЮ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ: ЭВЕЛИН ШОУ.

Дэниел смотрел на них до тех пор, пока экран не начал казаться слишком ярким.

Потом заметил маленькую строку в самом низу.

ПРИМЕЧАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Автор: Адриан Коул.

Текст состоял из одного предложения.

"Мы всё ещё измеряем не будущее после выбора. Мы измеряем будущее после знания".

Дэниел перечитал его.

Один раз. Второй. Третий.

Где-то за спиной открылась дверь переговорной.

Он быстро сделал снимок экрана.

Потом ещё один.

На всякий случай сохранил сам документ.

Система ответила:

СОХРАНЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО.

Мара появилась в секторе.

- Ты чего такой?

Дэниел повернул к ней экран.

Она подошла.

Прочитала первую страницу.

Потом вторую.

На третьей её лицо изменилось.

- Откуда это?

- Отдел кадров восстановил доступ.

- Ты просил?

- Нет.

Мара посмотрела на уведомление.

- Кто восстановил?

- Автоматически.

- Так не бывает.

Дэниел почти рассмеялся.

- В последнее время это очень популярная фраза.

Она не ответила.

Дошла до примечания Коула.

"Мы всё ещё измеряем не будущее после выбора. Мы измеряем будущее после знания".

Мара прочитала его вслух.

Потом медленно села на соседнее кресло.

- Дэн.

- Я знаю.

- Нет. Подожди.

Она посмотрела на него.

- Если он имел в виду именно то, что написал...
- Тогда ELSE моделирует не просто последствия решения.
- Она моделирует последствия того, что человек увидел прогноз.

Дэниел кивнул.

Мара снова посмотрела на экран.

- Это было четыре года назад.
- Почти восемь лет назад, если считать начало программы.
- И Эвелин руководила ей.
- Да.
- Она сегодня сказала, что слой согласования нужен для устранения противоречий между сценариями.

- Тоже правда.

- Но не вся.

- Похоже на то.

Мара потёрла лоб.

- Нам нужен Наги.

- Согласен.

Дэниел открыл внутренний чат.

Имя Наги было серым.

НЕДОСТУПЕН.

Он написал сообщение.

"Вернись на этаж. Сейчас".

Сообщение не ушло.

ДОСТАВКА ВРЕМЕННО НЕВОЗМОЖНА.

Мара достала телефон и позвонила.

Несколько секунд слушала.

- Выключен.

- Наги никогда не выключает телефон.

- Знаю.

В этот момент документ на экране мигнул.

Дэниел повернулся.

В верхней части страницы появился отсчёт.

ДОСТУП БУДЕТ ПРЕКРАЩЁН ЧЕРЕЗ 00:47.

- Сорок семь секунд? - сказала Мара. - Было ещё двадцать минут.

Дэниел начал фотографировать страницы телефоном.

Сорок две.

Тридцать восемь.

Тридцать четыре.

На второй странице серые блоки на мгновение исчезли.

Совсем на мгновение.

Дэниел увидел строки, прежде скрытые от него.

Он успел прочитать только одну.

**ПЕРВИЧНЫЙ ЭФФЕКТ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ: СУБЪЕКТ
СТРОИТ ПОВЕДЕНИЕ ВОКРУГ ПОЛУЧЕННОГО ОТВЕ-
ТА.**

Потом экран снова закрыл текст.

- Ты видела?

- Да.

Двадцать секунд.

Дэниел пролистнул к третьей странице.

Серые поля снова мигнули.

Под вариантом "принять предложение о работе" на долю секунды показалось число.

Дэниел не был уверен, что успел прочитать правильно.

Мара тихо сказала:

- Девяносто один.

- Ты тоже увидела?

- Да.

- За что?

- Не знаю.

Оставалось десять секунд.

Дэниел вернулся к примечанию Коула.

Семь.

Шесть.

Пять.

Экран потемнел.

ДОСТУП ПРЕКРАЩЁН.

Документ исчез.

Даже уведомление из отдела кадров пропало из почты.

Дэниел открыл галерею телефона.

Фотографии остались.

Мара стояла рядом, положив ладони на стол.

- Что именно означало девяносто один?

- Не знаю.

- Это был индекс сожаления?

- Похоже.

- Для какого варианта?
- "Принять предложение".

Она посмотрела на него.

- Но ты его принял.
- Да.
- И четыре года спустя всё ещё работаешь здесь.
- Да.
- Ты жалеешь?

Вопрос был настолько простым, что Дэниел не сразу нашёл ответ.

Он подумал о Клэр.

О четырёх годах работы.

О людях, которым система помогла.

О Джоне Риде.

О строке "убить - 11".

- Нет, - сказал он.

Мара нахмурилась.

- Тогда либо это не сожаление...
- Либо прогноз ещё не закончился.

Они посмотрели друг на друга.

Телефон Дэниела завибрировал.

На экране появилось новое сообщение.

Не внутренний чат.

Обычная личная почта.

Отправитель был ему знаком.

Он видел это имя меньше часа назад.

АДРИАН КОУЛ.

Тема состояла из трёх слов:

"Вы открыли протокол".

Дэниел не двигался.

Мара прочитала через его плечо.

- Ты ему писал?

- Нет.

- Тогда откуда он знает?

Дэниел открыл письмо.

Внутри была одна строка.

"Если вы всё ещё работаете в ELSE, не задавайте системе ни одного вопроса о Джоне Риде".

И ниже:

"Она уже учитывает, что вы знаете его имя".

Глава 5

Дэниел перечитал письмо Адриана Коула ещё раз.

«Если вы всё ещё работаете в ELSE, не задавайте системе ни одного вопроса о Джоне Риде».

И ниже:

«Она уже учитывает, что вы знаете его имя».

Мара стояла у него за спиной и молчала.

Это было непривычно.

Обычно у неё находился комментарий раньше, чем Дэниел успевал закончить собственную мысль.

— Ну? — спросил он наконец.

— Я пытаюсь решить, что мне не нравится больше.

— Выбор большой.

— То, что Коул знает про Рида. То, что он знает про протокол. Или то, что он написал тебе через пять минут после того, как документ исчез.

Дэниел посмотрел на время отправки.

16:08.

Доступ к протоколу прекратился в 16:06.

— Через две минуты, — поправил он.

— Спасибо. Теперь гораздо спокойнее.

Он нажал «Ответить».

Мара сразу положила ладонь на край ноутбука.

— Что ты собираешься писать?

— «Откуда вы знаете?»

— Слишком широко.

— «Откуда вы знаете про Джона Рида?»

— Уже лучше.

Дэниел набрал фразу.

Подумал и добавил:

«И почему я не должен задавать вопросы?»

Мара прочитала.

— Отправляй.

— Я думал, ты будешь против.

— Я против примерно двадцати вещей, которые мы сделали за последние два дня. Но если человек сам появился и знает больше нас, игнорировать его было бы уже не осто-

рожностью, а гордостью.

Дэниел отправил письмо.

Ответ пришёл почти сразу.

«Не по почте».

Следующая строка появилась ещё через несколько секунд.

«Сегодня, 19:30. Кафе при Старой городской библиотеке. У северного входа. Если придёте — не берите рабочие устройства».

Мара тихо выдохнула.

— Он мог просто написать «давайте встретимся», как нормальный человек.

— Возможно, нормальные люди не руководят закрытыми исследованиями будущего.

— Эвелин руководила.

— Тогда моя теория подтверждается.

Мара посмотрела на часы.

— До половины восьмого почти три часа.

— И?

— И ты за три часа способен десять раз передумать, дважды полезть в архив и один раз случайно нарушить федеральное регулирование.

— Очень точный профиль.

— Я работаю в валидации.

Дэниел закрыл личную почту.

На экране осталась обычная рабочая панель.

Медицинские прогнозы.

Жалобы пользователей.

Очередь проверок.

Всё выглядело настолько буднично, что письмо Коула могло показаться частью какого-то другого дня.

Он попытался вернуться к работе.

На этот раз продержался восемь минут.

Потом рядом с его столом появился Наги.

Без кружки.

Это Дэниел заметил раньше всего.

Второе, что он заметил: Наги был зол.

Очень зол.

То есть говорил тише обычного.

— Мне временно сняли доступ к системным картам.

Мара повернулась к нему.

— Где ты был?

— В отделе внутренней безопасности.

— Почему телефон был выключен?

— Потому что его положили в металлический ящик вместе с часами и ноутбуком.

Дэниел отодвинул кресло.

— Из-за вчерашнего поиска?

— Они называли это «плановой проверкой действий с закрытой архитектурой».

— Очень удобное совпадение.

— Я сказал то же самое.

— И?

— Они не оценили.

Наги сел на край соседнего стола.

— Хорошая новость: меня не уволили.

— А плохая?

— Судя по тому, как ты спрашиваешь, ты уже понял.

Он показал свой пропуск.

На маленьком экране вместо привычной шестёрки стояло:

УРОВЕНЬ ДОСТУПА: 4.

— На двое суток, — сказал Наги. — Формально.

— А неформально?

— Посмотрим через двое суток.

Мара скрестила руки.

— Ты успел что-нибудь найти до того, как тебя забрали?

Наги посмотрел сначала на неё, потом на Дэниела.

— Возможно.

— Наги.

— Я же не сказал «интересно».

— Говори.

Он придвинулся ближе.

— Доступ к твоему протоколу действительно восстановили не из отдела кадров.

Дэниел почувствовал, как напряжение возвращается в плечи.

— Кто?

— Я не успел добраться до инициатора. Увидел только

маршрут запроса. Он пришёл через служебный контур, которым обычно пользуются автоматические процедуры модели.

— Какой контур?

— Тот же, через который прошёл расчёт по Риду.

Мара стала совершенно неподвижной.

— Слои согласования?

Наги кивнул.

— Прямой записи не было. Но идентификатор семейства тот же.

— То есть модель восстановила Дэну доступ к документу?

— спросила Мара.

— Я этого не говорил.

— А что ты сказал?

— Что запрос прошёл через контур, который обслуживает модель. Между этими фразами есть несколько важных юридических этажей.

— Наги!

— Да. Если говорить по-человечески, выглядит именно так.

Дэниел посмотрел на свой рабочий экран.

Вспомнил отсчёт.

Серые блоки, исчезнувшие ровно настолько, чтобы он успел прочитать нужные строки.

Число 91.

Примечание Коула.

— Зачем? — спросил он.

Наги пожал плечами.

— Вот этого я узнать не успел.

— Она не может «зачем», — сказала Мара.

— Спасибо, — ответил Наги. — Ты только что спасла меня от антропоморфизации.

— Я серьёзно. У модели нет намерения.

— У термостата тоже нет намерения, но если в комнате холодно, он включает отопление.

— Система не термостат.

— Согласен. Она немного дороже.

Дэниел поднял руку.

— Вы оба сейчас спорите о слове. Факт остаётся: какой-то автоматический процесс решил показать мне документ, который был закрыт четыре года.

Наги кивнул.

— И показать на тридцать минут.

— А потом передумал через десять.

— Или достиг условия, ради которого открыл его.

Мара резко посмотрела на него.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что это звучит так, будто ей было нужно, чтобы Дэну что-то узнал.

Наги помолчал.

— Я знаю.

На несколько секунд все трое замолчали.

Дэниел первым нарушил тишину.

— Коул написал мне.

Наги поднял брови.

Мара посмотрела на Дэниела так, будто он нарушил договор, которого между ними не было.

— Мы как раз собирались сказать.

— Мне очень нравится слово «собирались».

Дэниел показал письмо.

Наги прочитал его молча.

На последней строке задержался дольше.

— «Она уже учитывает, что вы знаете его имя».

— Да.

— Это плохо.

— Очень содержательно.

— Иногда содержание мешает ясности.

Он вернул телефон.

— Вы пойдёте?

— Да, — сказала Мара прежде Дэниела.

— Он пригласил меня.

— А я сопровождаю человека с повышенной чувствительностью к причинным связям после негативного результата.

Наги усмехнулся.

— Я бы тоже пошёл.

— Тебя только что допрашивала внутренняя безопасность, — сказала Мара.

— Именно поэтому не пойду.

Он посмотрел на Дэниела.

— Но если Коул скажет что-нибудь про слой согласования, запомни формулировку дословно.

— Почему?

— Потому что люди обычно врут словами. Архитектура врёт названиями.

В семь двадцать две Дэниел и Мара подошли к Старой городской библиотеке.

Здание стояло между двумя новыми офисными башнями и выглядело так, будто город забыл его снести. Светлый камень потемнел от времени, над входом сохранялись настоящие бронзовые буквы, а двери открывались руками.

Мара толкнула одну из них.

— Уже подозрительно.

— Что?

— Никакого распознавания лица.

— Ты начинаешь походить на Наги.

— Возьми свои слова обратно...

Кафе находилось в боковом крыле библиотеки. Небольшое помещение с высокими окнами, настоящими книжными полками и столиками, которые не умели показывать рекламу.

Адриан Коул сидел в самом дальнем углу.

Дэниел узнал его сразу.

Седины стало больше. Лицо осунулось. Но та же прямая спина, та же привычка складывать ладони перед собой, будто

любой разговор был собеседованием.

Коул увидел их и поднялся.

Его взгляд сначала остановился на Дэниеле.

Потом на Маре.

— Я просил без рабочих устройств.

— Их и нет, — сказал Дэниел.

— Я не про неё.

Мара приподняла бровь.

Коул улыбнулся.

— Простите. Плохая попытка пошутить. Адриан Коул.

— Мара Левин.

— Руководитель валидации.

Теперь уже Мара не улыбнулась.

— Вы знаете, кто я.

— Я всё ещё читаю публичные отчёты компании.

— Моя должность там не указана.

Коул выдержал короткую паузу.

— Тогда, видимо, читаю не только публичные.

Он сел.

Мара посмотрела на Дэниела.

— Мне уже нравится встреча.

На столе перед Коулом стоял чайник и одна чашка.

— Хотите что-нибудь? — спросил он.

— Нет, — сказал Дэниел.

— Я тоже, — сказала Мара.

— Хорошо. Тогда можем не изображать светскую беседу.

Дэниел положил телефон экраном вниз.

— Откуда вы знаете про Джона Рида?

Коул не ответил сразу.

— Я не знаю Джона Рида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.